Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 11

ПРОЛОГ 39

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Иерусалим: "время сетовать и время плясать"

29 ноября 1947 года — 20 декабря 1947 года

ГЛАВА 1. *Решение, принятое во Флашинг-Мидоу* 49

ГЛАВА 2. *"Наконец-то мы свободны"* 68

ГЛАВА 3. *"Папа вернулся"* 89

ГЛАВА 4. *Два пассажира до Праги* 102

ГЛАВА 5. *Два народа, две армии* 117

ГЛАВА 6. *"Мы задушим Иерусалим"* 127

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Иерусалим: дом, разделившийся сам в себе

Декабрь 1947 года — март 1948 года

ГЛАВА 7. *"Разве мы не соседи?.."* 149

ГЛАВА 8. *Санта-Клаус Хаганы* 166

ГЛАВА 9. *Путешествие в абсурд* 172

ГЛАВА 10. *"Баб-эль-Вад по дороге в город"* 189

ГЛАВА 11. *Двадцать пять "стивенов" Голды Меир* 207

ГЛАВА 12. *"Спасение придет с неба"* 226

ГЛАВА 13. *"Мы станем твердыми как камень"* 234

ГЛАВА 14. *Вспышка белого пламени* 253
ГЛАВА 15. *Человек, не похожий на Лоуренса* 264
ГЛАВА 16. *Галантерейщик из Канзас-Сити* 278
ГЛАВА 17. *Автоколонна не придет* 287

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Иерусалим: осажденный город

20 марта 1948 года — 13 мая 1948 года

ГЛАВА 18. *Дом посреди ада* 299
ГЛАВА 19. *"Ты будешь зубами держаться за Иерусалим"* 320
ГЛАВА 20. *Шесть слов на бампере* 335
ГЛАВА 21. *"Один из арабов, которых мы убили ночью"* 345
ГЛАВА 22. *Мир Дейр-Ясина* 352
ГЛАВА 23. *"Шалом, дорогая..."* 374
ГЛАВА 24. *"Атакуйте, атакуйте, атакуйте"* 394
ГЛАВА 25. *Предложение Глабб-паши* 402
ГЛАВА 26. *"Мы вернемся"* 424
ГЛАВА 27. *"Бросайте камни и умирайте"* 446
ГЛАВА 28. *Перевес в один голос* 458
ГЛАВА 29. *Последний ужин* 474
ГЛАВА 30. *Пятый день ияра* 490

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Иерусалим: разделенный город

15 мая 1948 года — 17 июля 1948 года

ГЛАВА 31. *"Они выстоят"* 515
ГЛАВА 32. *"Самый прекрасный месяц в году"* 528
ГЛАВА 33. *"Иди спасай Иерусалим"* 538
ГЛАВА 34. *"Скорбь целого поколения"* 553
ГЛАВА 35. *"Йосеф спас Иерусалим!"* 564

ГЛАВА 36. *"Берите Латрун"* 576
ГЛАВА 37. *Билет в Землю Обетованную* 591
ГЛАВА 38. *"Выполните задачу любой ценой"* 604
ГЛАВА 39. *Пшеничные поля Латруна* 614
ГЛАВА 40. *"Вспоминайте меня только в радости"* 621
ГЛАВА 41. *"Спокойной ночи и до свидания из Иерусалима"* 636
ГЛАВА 42. *"Мы откроем новую дорогу"* 644
ГЛАВА 43. *"Арабский народ нас никогда не простит"* 658
ГЛАВА 44. *Тост за живых* 674
ГЛАВА 45. *Тридцатидневная пауза* 681
ГЛАВА 46. *Труба, прозвучавшая втуне* 695

ЭПИЛОГ 707
БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ 715

Благодарности 721
Источники информации по главам 725
Библиография 753
Источники иллюстраций 765

Как нам петь песнь Господню на земле чужой?
Если я забуду тебя, Иерусалим, — забудь меня, десница моя;
прилипни язык мой к гортани моей,
если не буду помнить тебя,
если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего.

ПЕСНЯ ИЗГНАННЫХ ДЕТЕЙ ИЗРАИЛЯ НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ
ПС.136:4–6

Иерусалим, Иерусалим,
избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе!
сколько раз хотел Я собрать детей твоих,
как птица собирает птенцов своих под крылья,
и вы не захотели!

ИИСУС, СОЗЕРЦАЮЩИЙ ИЕРУСАЛИМ С МАСЛИЧНОЙ ГОРЫ
МФ. 23:37

О Иерусалим, избранный Аллахом из всех земель Его!
В нем — избранные рабы Его.
Из него распростерлась земля, и из него свернется, словно свиток…
Роса, сходящая на Иерусалим, — лекарство от всякой болезни,
ибо она из райских садов.

БУРХАН АД-ДИН АЛЬ-ФАЗАРИ

ВВЕДЕНИЕ

Результатом моего литературного сотрудничества с Ларри Коллинзом были два бестселлера, которые прочитали миллионы людей по всему миру: “Горит ли Париж?”, книга, подробно повествующая о судьбоносной неделе августа 1944 года, когда Гитлер поклялся устроить ад во французской столице, и “Или я одену тебя в траур” — история гражданской войны в Испании, увиденная живым и страстным взглядом молодого крестьянского парня, которому суждено было стать самым известным испанским матадором под именем Эль Кордобес.

И вот в то самое время, когда мы начали размышлять, какую еще книгу можно было бы написать, я принял приглашение прочесть в Тель-Авиве лекцию о чудесном спасении Парижа в последние месяцы Второй мировой войны. У меня никогда не было случая увидеть Иерусалим, поэтому я схватил такси ради короткой экскурсии по священному городу, прежде чем самолет унесет меня обратно в Париж. Кто бы мог подумать, что эта поездка продлится три года?

На узкой дороге, которая петляет от Тель-Авива через Иудейские горы, я обратил внимане на десятки сгоревших грузовиков, разбросанных по обочинам. Некоторые были украшены цветами, на других красовались надписи на иврите и памятные таблички. Я спросил водителя об этих изувеченных останках, выстроившихся вдоль дороги в Иерусалим. Его реакция была почти возмущенной: разве я никогда не слышал о тра-

гедии, которая развернулась здесь весной 1948 года? Он остановил машину возле обломков одного из грузовиков и дрожащим голосом, полным чувства, начал свой рассказ.

Весна 1948 года. Всего за несколько недель до рождения Государства Израиль Иерусалим оказался окружен вооруженными арабо-палестинскими ополченцами во главе с харизматичным Абд аль-Кадиром аль-Хусейни. Более ста тысяч евреев оказались в священном городе в ловушке без еды и воды и были готовы капитулировать. Чтобы предотвратить катастрофу, тогдашний лидер еврейской общины в Палестине Давид Бен-Гурион реквизировал все грузовики и служебные автомобили, какие только мог раздобыть, чтобы доставить отчаявшемуся населению воду и продовольствие. Ночью 23 марта 1948 года колонна из более чем трехсот грузовиков, за рулем которых были недавно прибывшие из Европы иммигранты, отправилась в сторону Иерусалима.

Получив предупреждение от разведчиков, Хусейни отправил в атаку своих ополченцев, которые напали на конвой, словно волна саранчи, сжигая грузовики, убивая водителей и разграбляя драгоценные припасы. Той ночью правили бал огонь, кровь и ненависть. В Иерусалим не просочилось ни капли воды и ни крошки еды. Кладбище сожженных машин, окаймлявшее с той роковой ночи дорогу в Иерусалим, стало немым свидетелем, хранящим воспоминания об ужасных днях, когда Государство Израиль едва не погибло, не успев родиться.

Трагическая история автоколонны воспламенила мое воображение: именно эту историю мы с Ларри должны рассказать в нашей следующей книге. Я мог представить себе мужчин и женщин, стискивавших рули своих грузовиков, когда вокруг них разверзался ад. Большинство, вероятно, только что вырвались из гитлеровских лагерей смерти и с трудом пробрались через разоренную войной Европу, чтобы сесть на нелегальный корабль в Землю Обетованную — но лишь для того, чтобы умереть здесь, на пустынной дороге, при попытке спасти своих голодающих братьев в Иерусалиме. Затем перед моими глазами внезапно предстал вечный город, величественно воз-

вышающийся вдалеке во всем своем великолепии, словно раскинувшийся посреди лунного ландшафта.

Какое зрелище! Таксист сделал мне еще один великолепный подарок, остановившись прямо на вершине Масличной горы. Перед нами предстало огромное скопление куполов, минаретов, колоколен и террас, переплетенных в лабиринте переулков и тайных проходов, составлявших сердце Старого города Иерусалима, столицы Авраама, Давида и Соломона, приюта Иоанна, Марии и Иисуса, желанной добычи для Готфрида Бульонского, Саладина, Алленби и его британцев, короля Трансиордании Абдаллы и его Арабского легиона — и, совсем недавно, для Моше Даяна и его десантников.

Мне повезло. Я приехал в пятницу. Молитвы мусульман закончились, толпы мужчин, замотанных в куфии, и женщин, одетых в вышитые палестинские одежды, покидали мечети на эспланаде Аль-Харам аш-Шариф. Мелодичные призывы муэдзинов на вершинах минаретов только что смолкли. Через несколько мгновений солнце скроется за Иудейскими горами, выстроившимися вдоль горизонта. Внезапно вечерний воздух древнего города наполнил резкий звук еврейских шофаров, возвещающий о начале Шаббата. Несколько мгновений спустя, чуть только сгустились сумерки, христианские церкви в свою очередь отметили колокольным звоном святой час Ангелуса — вечерней молитвы. Именно там, посреди многозвучной славы Божьей, я впервые встретился с Иерусалимом. Я не мог не думать обо всех жертвах, которые во имя Бога были принесены этому городу на всем протяжении его бурной истории.

Наша новая книга должна будет рассказать лишь об одной странице этой долгой истории — странице, на которой трагедия автоколонны с продовольствием была всего лишь сноской. Пусть повествование охватывает двадцать лет и включает раздел Палестины, уход британцев, рождение Государства Израиль и начало конфликта между арабами и евреями.

Я побежал к телефону и позвонил Ларри в Америку. Он был так воодушевлен идеей, что прыгнул в первый же самолет, чтобы присоединиться ко мне в Иерусалиме.

Мы знали, что наше исследование будет долгим, трудным и сложным из-за страсти и ненависти, которыми пропитаны эти места. Нам предстояло копать глубоко, чтобы установить факты и историческую правду всех сторон, позволяющие написать книгу на такую взрывоопасную тему.

К выполнению этой пугающей задачи мы приступили в довольно необычной обстановке. После Шестидневной войны израильтяне Майлз и Гита Шероверы устраивали приемы для израильской элиты в своей роскошной иерусалимской резиденции. Их званые обеды, славившиеся изысканной китайской кухней, привлекали видных политических деятелей, бизнес-магнатов, военных и религиозных лидеров, важных иностранных сановников, выдающихся представителей художественной и литературной интеллигенции. Получить приглашение на ужин к Шероверам считали за честь, к тому же там всегда было весело. Именно там мы встретили Вивиана Герцога, бывшего в далеком 1948 году начальником штаба знаменитой 7-й бригады, которой Бен-Гурион приказал разблокировать дорогу на Иерусалим, Эзера Вайцмана, который, пилотируя первый истребитель Израиля, обстрелял египетскую бронетанковую колонну, двигавшуюся к Тель-Авиву, Моше Даяна, только что занявшего со своими десантниками Старый город Иерусалима, а в 1948 году — палестинские города Лидду и Рамлу.

Археолог Игаль Ядин, специалист по рукописям Мертвого моря, тоже был завсегдатаем у Шероверов. Двадцатью годами ранее Ядин, молодой офицер Хаганы (еврейской подпольной армии в подмандатной Палестине), получил от Бен-Гуриона приказ предотвратить капитуляцию Иерусалима. Он рассказал нам, как во время яростного спора отказывался подчиниться старому вождю, приказавшему использовать все силы для спасения Иерусалима в тот момент, когда египтяне были на пороге Тель-Авива, а сирийцы ворвались в Израиль с севера. “Я родился в Иерусалиме! — кричал он Бен-Гуриону. — Моя жена в Иерусалиме. Там мои отец и мать. У меня с этим городом даже больше связей, чем у вас. Но сегодня нам нужны все наши силы, чтобы справиться с опасностями, которые еще серьезнее тех, что гро-

зят Иерусалиму!" Услышав эти слова, старый вождь сурово нахмурился. "Он еще глубже погрузился в кресло, посмотрел мне прямо в глаза и отчетливо и безапелляционно повторил приказ: ты предотвратишь падение Иерусалима", — рассказывал Ядин.

Еще одним постоянным гостем Шероверов был полноватый джентльмен средних лет, его голубые глаза светились умом. Эхуд Авриэль, хотя его имени не слышали большинство израильтян, был одним из отцов-основателей Израиля. Он только что вернулся из долгой поездки в Африку, где наладил жизненно важные связи между своей страной и черным континентом. Совсем недавно премьер-министр Голда Меир назначила его послом в Риме — но эта официальная миссия была прикрытием для тайного возобновления работы подпольных иммиграционных сетей, ведущих из Европы в Израиль. Премьер-министр выбрала Авриэля для такой сложной задачи не случайно. Этот скромный и тихий человек был вдохновителем и организатором двух ключевых операций, способствовавших созданию Государства Израиль: массовой подпольной иммиграции европейских евреев и приобретения оружия, которое помогло спасти страну.

Ларри и меня сразу же заинтересовал этот сдержанный человек. Он пригласил нас воспользоваться аскетичным гостеприимством Неот-Мордехая, кибуца в Галилее, где в 1938 году начались его рискованные похождения молодого иммигранта в Палестине. Это сообщество производителей яблок и сандалий, окруженное эвкалиптовыми деревьями и вездесущими сирийскими пушками, более тридцати пяти лет было домом для непоколебимого воина Израиля. Авриэль и его жена Ханна, крепкая уроженка Вены и мать их троих детей, помогали создавать кибуц. Темной ночью 1938 года, под носом у британской полиции, они построили там первые бараки. Затем с помощью двух или трех десятков других европейских иммигрантов и пары ослов они осушили окрестные болота, которые кишели змеями и комарами.

Феноменальная память Авриэля, его любовь к подробностям и природный талант рассказчика настолько очаровали Ларри и меня, что наши беседы с ним продолжались днями и ночами.

Благодаря харизматичному актеру, выбранному на роль Давида Бен-Гуриона, режиссер Эли Шураки смог показать непреклонное желание спасти Иерусалим, пылавшее в сердце отца-основателя Израиля.

Старик, очевидно, должен был стать одним из ключевых объектов нашего исследования. Ни один историк, журналист или писатель никогда не брал у него подробного интервью о тех днях, неделях и месяцах, в течение которых судьба созданной им страны лежала на его отнюдь не богатырских плечах.

В сентябре 1967 года Бен-Гурион уже не был премьер-министром Израиля. Он удалился в Сде-Бокер, кибуц на краю пустыни Негев. Эхуд Авриэль, твердо веривший в наш проект, сумел организовать интервью с ним. Это был невероятный подарок, потому что старый вождь больше никого не принимал. Наша встреча должна была продлиться три часа, но затянулась на три недели. Три недели, в течение которых нам удалось восстановить в мельчайших подробностях мысли и решения Бен-Гуриона на протяжении важнейших недель осени и зимы 1947 года и весны 1948 года, когда Израилю грозило уничтожение.

Приехав в Сде-Бокер, мы застаем Бен-Гуриона за весьма необычным занятием: он стрижет овцу. Отец-основатель Израиля, так же, как и все остальные члены общины, должен вносить вклад в работу кибуца, где он решил прожить свои последние годы вдали от посторонних глаз и шума внешнего мира. Присутствие Эхуда Авриэля помогает нам сразу же установить с ним контакт. Бен-Гурион бросает свои ножницы и овец и дает нам знак идти за ним. Мы входим в небольшую комнату со скромной мебелью. Позади простого деревянного стола стоит книжный шкаф. Там, на трех застекленных полках, хранится настоящее сокровище — полсотни блокнотов, в которые Бен-Гурион день за днем — почти час за часом — записывал свои идеи, размышления и действия за весь интересующий нас период. Анализ бесценного сокровища этой пещеры Али-Бабы в сочетании с крепкой памятью этого необыкновенного человека даст нам возможность из первых рук узнать о личных

качествах, поступках и роли одной из ключевых фигур на колоссальной странице современной мировой истории, которую мы решили исследовать и описать.

Не пытаясь скрыть своего воодушевления, Бен-Гурион погружается в наши беседы, которые быстро становятся незабываемыми, ошеломляющими и захватывающими путешествиями в самую суть Истории. Мы путешествуем во времени и вновь застаем его в детстве в Польше; в момент его первого знакомства с сионистами; во время его первого путешествия в Иерусалим; вновь переживаем его почти мессианское желание создать еврейское государство; читаем его первую речь, написанную на туалетной бумаге в ночь раздела Палестины; ощущаем его одержимость поиском оружия, столь необходимого для выживания; вместе с ним принимаем решение вопреки советам большинства ближайших советников и вопреки возражениям Соединенных Штатов объявить о рождении Израиля — и решение поставить на карту все ради спасения Иерусалима…

Мы исписываем блокнот за блокнотом, пытаясь угнаться за потоком информации, который вызвали наши вопросы. Если возникает хоть малейшее сомнение, старик встает, чтобы вытащить соответствующий документ и прочитать свои записи, или просто молча думает, прежде чем ответить. Время от времени в комнату входит житель кибуца с подносом бутербродов, мисками йогурта и стаканами свежего апельсинового сока. Мы пируем в чертогах самой Истории.

Это только начало. Несколько дней спустя Эхуд Авриэль везет нас на своем маленьком зеленом “фиате” в скромный дом в рабочем квартале Западного Иерусалима. Две большие американские машины, набитые здоровенными полицейскими и ощетинившиеся антеннами, которые молчаливо охраняют в остальном неприметную улицу, — единственные явные признаки того, что здесь живет важная персона. Голда Меир — премьер-министр Израиля. Для своих семидесяти лет она очень энергична. Она приглашает нас на кухню, уставленную коллекцией блестящих кастрюль и сковородок.

“Завтрак готов!” — объявляет она легендарным голосом, который приводил в трепет столь многих журналистов.

Перед каждым из нас ставят кружку кофе и тарелку свежеиспеченных пирожных, которые наполняют ароматом всю комнату. В квартире не видно никаких следов слуг или помощников: в Шаббат мама Израиля — единственная хозяйка своих личных владений. Она так взволнована возвращением в прошлое со своим старым другом Авриэлем, что забывает потушить сигарету, прежде чем зажечь новую. Вскоре мы обнаруживаем, что пишем свои заметки, окруженные дымовой завесой.

Голда прочитала “Горит ли Париж?” на иврите и приветствует нас комплиментом, который трогает до глубины сердца. “Вот как надо рассказывать историю”, — прямо говорит она. Такое вступление поможет нам выкроить время для длинных интервью из ее плотного графика. Как и Бен-Гурион, Голда Меир ни с кем не обсуждала подробности этих событий; она заново переживает для нас свои приключения осени 1947 года и весны 1948-го. Эти приключения побудили Бен-Гуриона заявить: “Когда будут писать историю нашего времени, летописцы отметят, что именно благодаря еврейской женщине родилось еврейское государство”.

Пока табачный дым заполняет каждый дюйм крошечной кухни, мы засыпаем Голду вопросами о ее исторической поездке в Соединенные Штаты в ноябре 1947 года для сбора средств на покупку оружия, необходимого для будущего выживания Израиля. Поглощая литры кофе, мы с трудом поспеваем за всеми завораживающими подробностями, которые Голда рассказывает о своих странствиях из конца в конец Америки. Мы с Ларри сумели найти текст речи, которую она произнесла перед собранием американских евреев, не озабоченных, как ей показалось на первый взгляд, выживанием евреев Иерусалима. Ларри не колеблясь читает сияющей Голде эти драгоценные строки, которые мы позже включим в нашу книгу. Как-то я осмелился спросить у нее, не случалось ли ей во время этой изнурительной поездки терять надежду.

“Да, был такой момент, — отвечает она. — Во Флориде, в Палм-Бич. Когда я смотрела на всех этих элегантных дам перед сценой, разодетых в шубы и драгоценности, под мерцающей луной, освещающей ночное небо через эркерные окна столовой, я не могла не думать о молодых солдатах Хаганы, дрожащих от холода во тьме Иудейских гор. Меня охватило волнение. Я решила, что эти люди не хотят слышать о войне и смерти в Палестине. Я ошибалась. Еще до конца вечера все эти элегантные гости, ошеломленные тем, что я им сказала, пожертвовали более полутора миллионов долларов: этого было достаточно, чтобы купить новую шинель каждому солдату Хаганы”.

В фильме “О Иерусалим!” отражено несколько значимых эпизодов, которые попали в нашу книгу благодаря тем долгим беседам на кухне первой леди Израиля. Один из них касается ее последней встречи с сэром Аланом Каннингемом, последним британским верховным комиссаром, утром 14 мая 1948 года, за несколько минут до его отъезда и окончания тридцатилетнего правления Британии в Палестине. Их отношения никогда не были простыми, однако когда они прощались в саду резиденции Каннингема, британский генерал позволил себе нарушить протокол и дать несколько личных советов своей энергичной гостье. “Кажется, я припоминаю, что у вас есть дочь в кибуце в Негеве”, — сказал он ей. А затем добавил: “Будет война, и у этих поселений нет никакой надежды выжить. Египтяне раздавят их, несмотря на их мужество. Не будет ли разумно, если вы посоветуете ей перехать к вам?”

Хотя Голда была тронута этим советом, она лишь улыбнулась, прежде чем ответить: “Спасибо, сэр Алан, но у каждого мальчика и девочки во всех поселениях есть матери. Если каждая мать заберет оттуда своего ребенка, то кто же останется, чтобы остановить египтян?”

Вскоре мы стали постоянными гостями на колоритной кухне премьер-министра Израиля. Она явно получала удовольствие, удовлетворяя наше бесконечное любопытство. Режиссер Эли

Шураки переносит на экран одну из самых трогательных глав нашей книги, когда, переодевшись арабской женщиной, Голда отправляется в Амман, чтобы безнадежно просить мира у короля Трансиордании Абдаллы. “Дорога в Амман была забита бронированными колоннами, медленно петляющими к реке Иордан под покровом темноты, — вспоминала она в разговоре с нами. — В последнюю минуту перед отъездом я сказала Бен-Гуриону, что готова отправиться в ад, если почувствую, что смогу спасти жизнь хотя бы одного из наших молодых еврейских солдат. Король принял меня в большой круглой зеленой приемной своего дворца. Он казался уставшим и нервным”.

История встречи посланницы из Иерусалима и арабского монарха должна была стать одним из главных открытий нашей книги. Более двух часов Голда отчаянно пытается убедить Абдаллу не идти войной на еврейское государство, которое вот-вот должно родиться. Она настаивает, что еврейский народ — его единственные истинные друзья в регионе. Голда запомнила каждое слово ответа короля. “Я знаю это, — ответил король. — У меня нет никаких иллюзий: я верю всем сердцем, что Божественное Провидение привело вас сюда, возвратив вас, семитов, изгнанных в Европу и разделивших с ней ее прогресс, на семитский Восток, который нуждается в ваших знаниях и инициативе. Но сегодня условия иные. Резня в Дейр-Ясине разожгла сердца арабского народа. Теперь я не сам по себе. Сегодня я всего лишь член коалиции из пяти стран”.

Фильм передает отчаяние Голды при этих словах. Она вспомнила, что ответила единственному арабскому лидеру, который все еще мог предотвратить конфликт: “Ваше величество, — сказала она, — еврейский народ терпеливо ждал две тысячи лет. Теперь настал час рождения его государства. Если мы не сможем прийти к какому-то компромиссу, то, боюсь, война действительно неизбежна”.

Выслушав это, король печально кивнул: “Наша судьба теперь в руках Аллаха”.

Они пожали друг другу руки. Голда ясно помнила, каким увидела арабского монарха, прощаясь с ним. Это был, как она

нам призналась, “маленький человек в длинном белом одеянии, грустно махавший мне на прощание с верхних ступеней своего дворца”.

Ни Давид Бен-Гурион, ни Голда Меир никогда не позволяли никому так глубоко копаться в их личных воспоминаниях. Два архитектора Израиля никогда никому не разрешали так препарировать их мысли; они никогда не описывали так подробно ежедневную, ежечасную борьбу, когда судьба молодого еврейского государства висела на волоске, завися от прибытия в последнюю минуту нескольких сотен винтовок, спрятанных под грузом лука, или от обнаружения небольшой извилистой тропы через скалистые Иудейские горы, которая спасет голодающих защитников Иерусалима от вторжения окружающих город арабских бойцов.

Эти два политических гиганта были лишь первыми в армии людей, у которых мы брали интервью. К концу нашего исследования мы встретились с более чем тысячей евреев, арабов, британцев, американцев и французов. Мы искали свидетелей не только в Израиле и во всех арабских государствах, но и по всему миру.

Однажды, стремясь точно воссоздать детали арабского вторжения в Израиль 15 мая 1948 года, я приезжаю в Багдад, чтобы взять интервью у командующего арабскими коалиционными силами, иракского генерала по имени Исмаил Сафват-паша. Чтобы добраться до его дома, мне нужно пересечь печально известную площадь, где всего неделей ранее были публично повешены три израильских шпиона. Солнце светит так сильно, что я лезу в карман и достаю матерчатую шляпу. И тут же лицо моей жены искажается от ужаса — на шляпе крупно, яркими буквами написано “Шалом Израиль”. Я забыл, что купил ее в кибуце в Галилее.

Встреча с иракским генералом позволила нам точнее передать наэлектризованную атмосферу, царившую среди лидеров арабской коалиции, поклявшихся уничтожить Государство Израиль. Фильм Эли Шураки воссоздает одну известную сцену